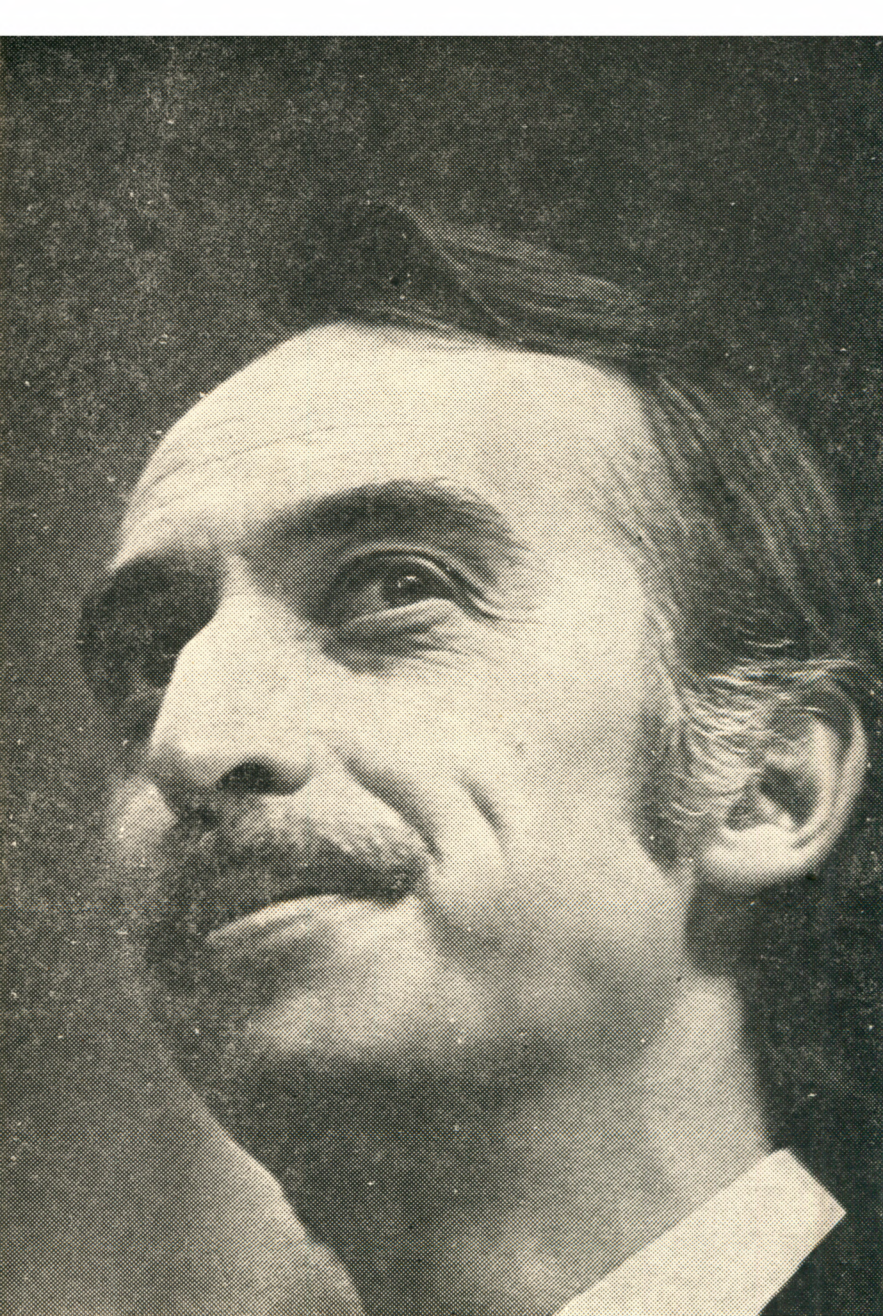

Александр Иванов
Пегас — не роскошь

Александр
Иванов

Пегас не роскошь

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Минутные Тени
от звука
на чаше.

А. Иванов

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1979

20/IV 202

В книгу «Пегас — не роскошь» вошли стихотворные пародии Александра Иванова, написанные им в последние годы. Книга состоит из двух разделов. Название раздела «Старые знакомые» говорит само за себя. Раздел «По первому следу» содержит пародии на поэтов, творчество которых впервые привлекло внимание сатирика.

Художник ВИКТОР АЛЕШИН

© Издательство «Советский писатель», 1979 г.

И $\frac{70402-305}{083(02)-79}$ 154-79.

4702010200

Гаврила не любил пародий.
Гаврила от пародий слег.

Никифор Ляпис (Трубецкой). Из неопубликованного, но не забытого

Старые знакомые

ВЕСЬ В ГОЛУБОМ

Меж бровями складка.
Шарфик голубой.
Трепетно и сладко
Быть всегда с тобой.

Константин Ваншенкин

Мне мила любая
Черточка твоя,
Словно голубая
Лирика моя.

Трепетна и томна,
Чуточку сладка,
Несколько альбомна,
Капельку горька.

Я всегда с тобою.
Ты всегда со мной.
Небо голубое.
Шарфик голубой.

Быть с тобою сладко.
Ты мила, я мил.
Острая нехватка
Розовых чернил.

МОЙ ПЕС И Я

Витой веревочкой доверья
Ко мне привязан старый пес.
Его глаза — глаза не зверя —
Все понимают наугад.
Он верит в то, во что я верю,
И рад тому, чему я рад.

Владимир Костров

Мой пес и я!
Нельзя словами
Нас достоверно описать.
Есть много общего меж нами —
Чутье и верность, ум и стать.
Есть даже общее в обличье,
Не то чтоб сходство, а чуть-чуть...
Но ряд существенных различий
Я не могу не подчеркнуть.
Не курит он, хоть это жалко,
А то ведь мог бы угощать.
Мой пес не ездит на рыбалку
Денька на три, четыре, пять...
Все понимает он отлично,
Но молчуном слывет зато.
Он ест все то, что я обычно,
Но пьет совсем, совсем не то...
Короче, лишена собака
Нам, людям, свойственных грехов.
Но что ценней всего, однако, —
Не пишет, умница, стихов!

ДЕНЬ В ГИПЕРБОРЕЕ

(Юнна Мориц)

Как у нас в Гиперборее,
Там, где бегают кентавры,
Соблазнительные феи
Днем и ночью бьют в литавры.

Там лежит раскрытый томик,
Не прочитанный Сатиром.
Там стоит дощатый домик,
Называемый сортиром.

Одиссей свое отплавал,
Греет пузо под навесом.
Перед богом хитрый дьявол
Так и ходит мелким бесом.

Едут музы в Сиракузы,
Не убит еще Патрокл.
На Олимпе в моде блюзы,
Гоголь-моголь и Софокл.

Зевс в объятиях Морфея,
Вельзевул песочит зама.
Незаконный сын Орфея
Спит, наклюкавшись бальзама.

Сел Гомер за фортепьяно,
Звон идет на всю катушку.

Посреди дубравы рьяно
Соблазняет бык пастушку.

Пляшет Плоть в обнимку с Духом,
Сладко чмокая и бляя.
А в углу, собравшись с духом,
Сочиняю под Рабле я...

ПОКАМЕСТ Я...

...мы будем жить, покамест Пушкин с нами,
мы будем жить, покамест с нами Блок.

...и нищим надо подавать,
покамест есть они на свете.

Станислав Куняев

Покамест Пушкин есть и Блок,
литература нас врачует.
Литература нам не впрок,
покамест Кобзев есть и Чуев.

Покамест все чего-то ждут,
и всяк покамест что-то ищет.
Покамест нищие живут
и на кладбище ветер свищет.

Мы будем жить, а выйдет срок,
то пусть земля нам будет пухом.
И в жизни тот не одинок,
кто уважает нищих духом.

Покамест жив, цени свой труд,
в бессмертье душу окуная...
А пародисты не умрут,
покамест не иссяк Куняев.

О ПОЛЬЗЕ СТРАДАНИЙ

А в полынье, в наплыве мрака,
В воде, густеющей как мед,
Живая плавает собака,
Стараясь выбраться на лед...

Молчит толпа. Мальчишка хнычет,
Клубится снег. Тускнеет свет...

И все расходятся по делу.
А я — неведомо куда...

Михаил Дудин

Сугроб пружинил как подушка,
Я размышлял о бытие.
И вдруг увидел, как старушка
Барахтается в полынье.

Нет, не купается... Одетая.
Ручонками ломает лед.
Но грациозна, как Одетта,
В воде, густеющей как мед.

Как человек и как писатель
Я был немало огорчен.
Со мною был один приятель,
И он был тоже удручен.

Стояли мы. Чего-то ждали
На тротуаре у столба.
И сокрушенно рассуждали,
Что это, видимо, судьба...

Не в силах превозмочь рыданье,
Я закричать хотел: «Плыви!»
Но в горле — ком от состраданья,
От зимней стужи и любви.

И вот с отчетливостью тяжелой
Я понял: близится беда...
И не ошибся — над бедняжкой
Сомкнулась черная вода.

Потом и прорубь затянулась,
Снежинки падали, тихи...
Душа в страданье окунулась,
И — потянуло на стихи.

МИНИ-ПУШКИН

Мы все — свои.
К нам лишний не допущен.
Я в гении, ей-богу, не суюсь,
но говорю,
как ваш домашний Пушкин:
«Друзья мои,
прекрасен наш союз!»
. . . . .
Друзья,
я стал ужасно знаменитым,—
не раз я, впрочем, был и буду битым,
но это мне всегда на пользу шло.

Евгений Евтушенко

Друзья мои!
Я стал известным слишком,
меня за это незачем корить.
Мы все — свои.
Гоните к черту лишних,
я буду откровенно говорить.
За сорок мне.
Случалось, рисовался,
но дико популярности боюсь;
скажите мне,
куда я не совался?!
Да и теперь по-прежнему суюсь...
Уроки Братска
мною не забыты,
я на орбите,
я спешу в зенит.
Не раз я, впрочем, был красиво битым,
поэтому и буду не забыт!

Друзья мои,
а все-таки недаром
меня ругают недруги, сипя.
Себя я подставляю
под удары,
но с неизменной пользой
для себя.
Я неумеен.
Я привычен к дракам,
могу и сам кому-то припаять...
Стою я
Сирано де Бержераком,
стоял, стою и буду впредь стоять!
И если даже
мною просчет допущен,
то кто же усомнится из друзей:
я гениален
менее, чем Пушкин,
но на бесптичье
Женя — соловей!

ДЕЛАЙ КАК Я

Когда, смахнув с плеча пиджак,
Ложись навзничь на лужок,—
Ты поступаешь, как Жан-Жак,
Философ, дующий в рожок.

Александр Кушнер

Когда пьешь кофе натошак
И забываешь о еде,
Ты поступаешь как Бальзак,
Который Оноре и де.

Когда в тебе бурлит сарказм
И ты от гнева возбужден,
Ты просто вылитый Эразм,
Что в Роттердаме был рожден.

Когда, освободясь от брюк,
Ложись навзничь на диван,
То поступаешь ты, мой друг,
Как мсье Гюи де Мопассан.

Когда ты вечером один
И с чаем кушаешь безе,
Ты Салтыков тире Щедрин
И плюс Щедрин тире Бизе.

Когда ж, допустим, твой стишок
Изящной полон чепухи,
То поступаешь ты, дружок,
Как Кушнер, пишущий стихи.

МАЯСЬ ЖИВОТОМ

Смотрел сегодня тапец живота.
Красивая девчонка, да не та,
Что спать не даст одной короткой фразой.
Восточная красавица, прости.
Восточная красавица, прости
К пепляшущей, к нездешней, к светлоглазой.

Лев Ошанин

В далекой экзотической стране,
Где все принципиально чуждо мне,
Но кое-что достойно уваженья,
Смотрел сегодня танец живота.
Живот хорош, но в общем — срамота.
Сплошное, я считаю, разложение!

Не отведя пылавшего лица,
Я этот ужас вынес до конца,
Чуть шевеля сведенными губами:
Восточная красавица, зачем
Ты свой живот показываешь всем?!

С тобой бы нам потолковать на БАМе...

Восточная красотка хороша!
Но кровью облилась моя душа,
Ведь так недалеко и до конфуза...
Халат взяла бы или хоть пальто,
А то нагая... Это же не то,
Что греет сердце члена профсоюза!

Восточная красавица, прости,
Но я хотел бы для тебя найти

Достойное эпохи нашей дело.
Чтоб ты смогла познать любовь и труд,
Но я боюсь, что этот факт сочтут
Вмешательством во внутреннее тело...

ПУТЬ К МУДРОСТИ

Всю ночь себя четвертовал
И вновь родился утром.
Бескомпромиссно—твердым стал
И молчаливо-мудрым.

Алексей Марков

Всю ночь себя колесовал,
Расстреливал и вешал.
Я так себя разрисовал,
Что утром сам опешил.

Зато когда наутро встал —
Совсем другое дело!
Душою за ночь мягким стал,
~~А тело~~ — затвердело.

где него

Молчанье гордое храня,
Я сел на одеяло.
Бескомпромиссностью меня
Обратно обуяло!

И — дальше больше! — мудрость вдруг
Во мне заговорила.
И снова ахнули вокруг:
— А вот и наш мудрило!

НЕ ДО ЕВРОП

Мне рано, ребята, в Европы
Дороги и трассы торить...

Ольга Фокина

Мне рано в Европы, ребята,
Меня не зови, Лиссабон.
Мне ехать еще рановато
В Мадрид, Копенгаген и Бонн.

Билет уж заранее куплен
В деревню, где буду бродить.
Не сетуйте, Лондон и Дублин,
Придется уж вам погодить.

Мужайся, красавица Вена,
Боюсь, мы не свидимся, Киль...
Ведь мне, говоря откровенно,
Милей вологодская пыль.

Не ждите, Альпийские горы,
Не хнычьте, меня не вина...
Какие поди разговоры
В Европах идут про меня!

Смеются Женева и Канны,
От смеха Афины в слезах:
— Мадам, вам действительно рано,
Сидите в своих Вологдах...

ОН МОЖЕТ, НО...

Нет, жив Дантес.
Он жив опасно,
Жив
вплоть до нынешнего дня.
Ежеминутно,
ежечасно
Он может выстрелить в меня.

Николай Доризо

Санкт-Петербург взволнован очень.
Разгул царизма.
Мрак и тлен.
Печален, хмур и озабочен
Барон Луи де Геккерен.
Он молвит сыну осторожно:
— Зачем нам Пушкин?
Видит бог,
Стреляться с кем угодно можно,
Ты в Доризо стрельни,
сынوك! —
С улыбкой грустной бесконечно
Дантес
взирает на него.
— Могу и в Доризо,
конечно,
Какая разница,
в кого... —
Но вдруг
лицо его скривилось
И прошептал он
как во сне:

РАЗГОВОР

Бескопечными веками —
есть на то причина —
разговаривал руками
любящий мужчина.

Римма Казакова

Повстречался мне неожиданно
и лишил покоя.
И что я ему желанна,
показал рукою.

Молча я взглянула страстно,
слова не сказала
и рукой, что я согласна,
тут же показала.

Образец любовной страсти
нами был показан.
Разговор влюбленным, к счастью,
противопоказан.

А потом горела лампа,
молча мы курили,
молча думали: «И ладно,
и поговорили...»

Так вот счастье и куется
издавна, веками...
Всем же только остается
развести руками.

ДЕРЗНОВЕННОСТЬ

Жизнь коротка. Бессмертье дерзопешпо.
Сжигает осень тысячи палитр.
И, раздвигая мир, скала Шопена
Во мне самой торжественно парит.

Екатерина Шевелева

Здоровье ухудшалось постепенно,
Районный врач подозревал гастрит.
Но оказалось, что скала Шопена
Во мне самой торжественно парит.

Ночами я особенно в ударе,
Волшебный скрип я издаю во сне;
Но это просто скрипка Страдивари
Сама собой пиликает во мне.

И без того был организм издерган,
В глазах темно, и в голове туман...
И вот уже во мне не просто орган —
Нашли собора Домского орган!

Потом нашли палитру Модильяни,
Елисавет Петровны канапе,
Подтяжки Фета, галстук Матрояни,
Автограф Евтушенко и т. п.

Врачи ломали головы. Однако
Рентгено снимок тайну выдает:
Представьте, что во мне сидит собака
Качалова! И лапу подает!

Непросто изучить мою натуру,
Зато теперь я обучаю власть,
Во-первых, как войти в литературу
И, во-вторых, — в историю попасть.

ДЛЯ ТЕХ, КТО СПИТ

Спит острословья кот.
Спит выдумки жираф.
Удачи спит удад.
Усталости удав.

Яков Белинский

Спит весь животный мир.
Спит верности осел.
Спит зависти тапир.
И ревности козел.

Спит радости гиббон.
Забвенья спит кабан.
Спит хладнокровья слон.
Сомненья пеликан.

Спит жадности питоп.
Надежды бегемот.
Невежества тритон.
И скромности енот.

Спит щедрости хорек.
Распутства гамадрил.
Покоя спит сурок.
Злодейства крокодил.

Спит грубости свинья...
Спокойной ночи всем!
Не сплю один лишь я...
Спасибо, милый Брем!

ВОЗДАЯНИЕ

Пропою про урожай
И про Вегу, как фантаст.
Глядь, какой-нибудь Державин
Заприметит
И воздаст.

Василий Федоров

Шел я как-то, трали-вали,
С выраженьем на лице.
И подумал: не пора ли
Сдать экзамен
За лицей.

Как-никак я дока в лирах,
Правда, конкурс — будь здоров!
Много этих... в вицмундирах,
Как их там?..
Профессоров.

В жар кидает... Вдруг сомлею,
Не попасть бы тут впросак.
По-французски не парлею,
Знамо,
Истинный русак!

Стар Державин.
Был да вышел...
Как бы в ящик не сыграл...
На середку тут я вышел,
В груди воздуху набрал,

Как запел про урожай
Да про Вегу как пошел!..
Посинел старик Державин,
Вскрикнул: «Ах!»
И в гроб сошел.

ДЕВУШКИ И ЖЕНЩИНЫ

Влюбчивый, доверчивый, земной,
Я один виновен перед вами,
Женщины, обиженные мной,
Девушки с печальными бровями.

Валентин Сорокин

Влюбчивый, доверчивый, земной,
Я достоин пращура Адама.
Девушки, обиженные мной,
Вы уже не девушки, а дамы.

У одной — беду сомкнут рот,
Чистый лоб печален и бескровен.
У другой — совсем наоборот:
Грустные глаза, ресницы, брови.

А у третьей — скулы сведены
И почамы мучает одышка,
А у этой — легкие больны
И растет разбойником парнишка.

Ометелен, знойчат и фырчист ¹,
Не плененный скукой, как и все мы,
Женщины, я перед вами чист,
Не могу я
   сразу быть со всеми!

---

¹ Слова принадлежат Вал. Сорокину.

Я вас всех по-прежнему люблю,
Сердце по кусочкам растащили...
Только об одной судьбу молю:
Только бы
                    жене не сообщили...

УЖИН В КОЛХОЗЕ

— Встречай, хозяйка! — крикнул Цыганов.
Поздравствовались. Сели.

В мгновение ока — юный огурец
Из миски глянул, словно лягушонок.
А помидор, покинувший бочопок,
Немедля выпить требовал, подлец.

— Хозяйка, выпей! — крикнул Цыганов.
Он туговат был на ухо.

Давид Самойлов

— Никак Самойлов! — крикнул Цыганов
(Он был глухой). — Ты вовремя, ей-богу!
Хозяйка постаралась, стол готов,
Давай закусим, выпьем понемногу...

А стол ломился! Милосердный бог!
Как говорится: все отдай — и мало!
Цвели томаты, розовело сало,
Моченая антоновка, чеснок,
Баранья ножка, с яблоками утка,
Цыплята табака (мне стало жутко),
В сметане караси, белужий бок,
Молочный поросенок, лук зеленый,
Квашеная капуста! Груздь соленый
Подмигивал как будто! Ветчина
Была ошеломляюще нежна!
Кровавый ростбиф, колбаса салями,
Телятина, и рябчик с трюфелями,

И куропатка! Думаете, вру?
Лежали перепелки как живые,
Копченый сиг, стерлядки паровые,
Внесли в бочонке красную икру!
Лежал осетр! А дальше — что я вижу! —
Гигант омар (намедни из Парижа!)
На блюдо свежих устриц вперил глаз...
А вальдшнепы, румяные как бабы!
Особый запах источали крабы,
Благоухал в шампанском ананас!..

«Ну, наконец-то! — думал я. — Чичас!
Закусим, выпьем, эх, святое дело!»
(В графинчике проклятая белела!)
Лафитник выпить требовал тотчас!
Я сел к столу... Смотрела Цыганова,
Как подцепил я вилкой огурец,
И вот когда, казалось, все готово,
Тут Иванов (что ждать от Иванова?!)
Пародией огрел меня, подлец!..

**Я И СОНЯ,
ИЛИ БОЛЕЕ ЧЕМ ВСЕРЬЕЗ**

Мог ногой   топнуть
и зажечь
солнце...
Но меня
                      дома
ждет
Лорен Софа.

*Роберт
Рождественский.
Из книги «Всерьез»*

...А меня
                      дома
ждет
Лорен Соня.
Мне домой
                      топать —
что лететь
к солнцу.
А она
                      в слезы,
скачет как мячик:
— Что ж ты так
поздно,
милый мой
                      мальчик? —
Я ей
                      спокойно:
— Да брось ты,
  Соня...

Постели койку
и утри
сопли.—
А она плачет,
говорит:
— Робик!.. —
и —
долой платье,
и меня —
в лобик...
Задремал
утром,
так устал
за ночь...
Вдруг меня
будто
кто-то
хватать
за нос!
Рвут меня
когти,
крики:
— Встань,
соня!
Я тебе,
котик,
покажу
Соню!!

АЛИ Я НЕ Я

Окати меня
Алым зноем губ.
Али я тебе
Да совсем не люб?

Борис Примеров

Как теперь я
Что-то сам не свой.
Хошь в носу ширяй,
Хошь в окошко вой.

Эх, печаль-тоска,
Нутряная боль!
Шебуршит мысль:
В деревеньку, что ль?

У меня Москва
Да в печенках вся.
И чего я в ей
Ошиваюся?..

Иссушила кровь
Маета моя.
И не тут я,
И не тама я...

Стал кумекать я:
Аль пойтить в собес?

А наведни мне
Голос был с небес:

— Боря, свет ты наш,
Бог тебя спаси,
И на кой ты бес
Стилизуисси?!..

ПОЕЗДКА

Давай, любимая, начнем,
Как говорится, все сначала...

Пусть по Каляевской везет
Нас вновь троллейбус двадцать третий...

За наш проезд, за нас двоих
Я в кассу брошу две монетки.
И вспыхнет свет в глазах твоих,
Как солнышко на мокрой ветке.

Михаил Пляцковский

Я столько раз звонил тебе,
Ты на звонки не отвечала.
Давай войдем в троллейбус «Б»
И все начнем с тобой сначала!

...Сияет солнце в синеве,
Копеек горсть ладонь ласкает.
Беру четыре (две и две)
И в щелку кассы опускаю.

Тень грусти на лице моем
Ты взглядом жалобным поймала.
Да, если едем мы вдвоем,
То одного билета мало.

Постой-ка... три копейки есть,
Еще одна... всего — четыре.
Прекрасно, что мужская честь
Еще жива в подлупном мире!

А я — мужчина и поэт!
На небе ни единой тучки.
Держи, любимая, билет.
Я знаю, ты отдашь с полочки...

Люби меня и будь со мной,
Поездка снова нас связала.
Как? У тебя был проездной?!

Ну что ж ты сразу не сказала...

О ПОЛЬЗЕ СКАНДАЛОВ

Что делать со стихами о любви,
Закопчившейся пошленьким скандалом?
Не перечитывая, разорви,
Отдай на растерзание шакалам.

Евгений Долматовский

Ни разу малодушно не винил
Я жизнь свою за горькие уроки...
Я был влюблен и как-то сочинил
Избраннице лирические строки.

Скользнула по лицу любимой тень,
И вспыхнул взгляд, такой обычно кроткий...
Последнее, что видел я в тот день,
Был черный диск чугунной сковородки.

Скандал? Увы! Но я привык страдать,
Поэтам ли робеть перед скандалом!
А как же со стихами быть? Отдать
На растерзанье критикам-шакалам?

Насмешек не боюсь, я не такой;
Быть может, притвориться альтруистом,
Свои стихи своею же рукой
Взять и швырнуть гиенам-пародистам?

Но я мудрей и дальновидней был,
Я сохранил их! И в тайник не спрятал.
Не разорвал, не сжег, не утопил,
Не обольщайтесь — я их напечатал!

ПЕНЕЛОПА

Ее улыбка неземная
звучит, как исповедь моя...
И Афродита это знает
и не уходит от меня.

*Андрей Дементьев.
«Афродита»*

Хоть о себе писать неловко,
но я недаром реалист;
ко мне пристала Пенелопа,
как, извиняюсь, банный лист.

Она такая неземная,
и ясный взгляд, и чистый лоб.
И я, конечно, это знаю:
что я, не знаю Пенелоп?!

Я долго думал: в чем причина
моих успехов и побед?
Наверно, я такой мужчина,
каких и в Греции-то нет...

До этого была Даная...
За мной ходила целый год.
И Афродита это знает,
но от меня не отстает.

Шла бы ты домой, Пенелопа!

ТА И ЭТА

Так шагаешь по свету
Через всю красоту.
Полюбил бы и эту,
Полюбил бы и ту.

Марк Лисянский

Много женщин на свете,
Жизнь моя в суете...
То мне нравятся эти,
То мне нравятся те.

Я шагаю по свету,
Обгоняя мечту,
Вспоминаю про эту,
Забывая про ту.

Как и должно поэту,
На пути, на лету,
Забываю про эту,
Вспоминая про ту.

Многократно воспета
Мною их красота!
Впрочем, кажется, эта
Все же лучше, чем та.

Не внимая совету,
Я лелею мечту,
Как, имея и эту,
Сохранить бы и ту!

Так шагаю по свету
Со своей маетой.
А оглянешься — пету!
Нет ни этой, ни той...

СТОЕРОСОВЫЙ ДУБОК

...Днем весенним таким жаворонистым
я на счастье пожалован был.
Колоколило небо высокое...

Раззеленым дубком стоеросовым
возле деда я выстоял год.

Владимир Гордейчев

Лягушатило пруд захудалистый,
булькотела гармонь у ворот.
По деревне, с утра напивалистый,
дотемна гулеванил народ.

В луже хрюкало свинство щетинисто,
стадо выместо перло с лугов.
Пастушок загинал матерщинисто,
аж испужно шатало коров.

Я седалил у тына развалисто
и стихи горлопанил им вслед.
На меня близоручил мигалисто
мой родной глухоманистый дед.

— Хорошо! — бормотал он гундосово,
ощербатя беззубистый рот. —
Только очень уж стоеросово,
да иначе и быть не может...

ОБЗОР

С детских лет и мне завет завещан
скромности. Его я берегу...
Но я видел раздеванье женщин
на крутом рассветном берегу.

Евгений Винокуров

Бесконечной скромностью увенчан,
в размысленных проводящий дни,
наблюдал я раздеванье женщин,
не нарочно — боже сохрани!

Небосвод безбрежен был и ясен,
вжавшись в землю, я лежал за пнем,
притаившись. Был обзор прекрасен,
слава богу, дело было днем.

Весь сосредоточен, как дневальный,
я сумел подметить, что хотел:
эллипсообразны и овальные
впадины и выпуклости тел!

Искупались... Волосы намокли.
Высохли. Оделись. Я лежу.
Хорошо, что с детства без бинокля
я гулять на речку не хожу!

ПОСВЯЩЕНИЕ ЛАРИСЕ ВАСИЛЬЕВОЙ

...я оставляю это дело,
ворпей, бездельцу — стихи.

Вот только пародист в убытке,
а он с меня не сводит глаз...

Но он утешится, неверный,
с другим, а может быть, с другой...

*Лариса Васильева.
«Посвящение Александру
Иванову»*

Увы, сатиры нет без риска,
с годами множатся грехи...
Ужель Васильева Лариса
перестает писать стихи!..

Неужто буду я в убытке
и прѣбил мой последний час?..
И впрямь ее творений слитки
дороже золота подчас.

Прощай, создание дорогое,
мы были вместе столько лет!
С другим, тем более с другою
вовек я не утешусь. Нет,

я жить могу и дальше смело,
мне не пристала роль скупца:
того, что ты создать успела,
с лихвой мне хватит до конца!

ДУША В ТЕЛЕ

...Как возможно с гордою душой
Целоваться на четвертый вечер
И в любви признаться на восьмой?!

Пусть любовь начнется. Но не с тела,
А с души, вы слышите,— с души!

Эдуард Асадов

Девушка со взглядом яснозвездным,
День настанет и в твоей судьбе.
Где-то, как-то, рано или поздно
Подойдет мужчина и к тебе.

Вздрогнет сердце сладко и тревожно.
Так чудесны девичьи мечты!
Восемь дней гуляйте с ним — и можно
На девятый перейти на «ты».

Можно день, допустим, на тридцатый
За руку себя позволить взять.
И примерно на шестидесятый
В щеку разрешить поцеловать.

После этого не увлекаться,
Не сводить с мужчины строгих глаз.
В губы — не вчасос! — поцеловаться
В день подачи заявления в загс.

Дальше важно жарких слов не слышать,
Мол, да ладно... ну теперь чего ж...

**Так скажи: — Покуда не запишут,
И не думай! Погоди... Не трожь!...**

**Лишь потом, отметив это дело,
Весело, с родными, вот теперь
Пусть доходит очередь до тела.
Все законно. Закрывайте дверь.**

БЕС СОБЛАЗНА

Посмотрите, как красиво эта женщина идет!
Как косынка эта синяя этой женщине идет!

Посмотрите, как прекрасно с нею рядом я иду,
Как и бережно и страстно под руку ее веду!

Евгений Храмов

Посмотрите! Не напрасно вы оглянетесь, друзья!
Эта женщина прекрасна, но еще прекрасней я!

Эта женщина со мною! Это я ее веду!
И с улыбкой неземною это с нею я иду!

Посмотрите, как сияют чудных глаз ее зрачки!
Посмотрите, как сверкают на моем носу очки!

Как зеленое в полоску этой женщине идет!
Как курю я папироску, от которой дым идет!

Я не зря рожден поэтом, я уже едва дышу,
Я об этом, я об этом непременно напишу!

Я веду ее под ручку из музея в ресторан.
Авторучка, авторучка мне буквально жжет карман!

Я иду и сочиняю, строчки прыгают, звеня,
Как прекрасно оттеняю я ее, она — меня!

Мы — само очарованье! И поэзия сама —
Способ самолюбованья, плод игрового ума...

КОМПРОМИСС

...Когда б любовь мне солнце с неба стерла,
Чтоб стали дни туманней и мрачней,
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней!

Владимир Солоухин

Итак, любовь. Восторг души и тела.
Источник вдохновенья, наконец!
И все ж был прав неистовый Отелло:
«Молилась ли ты на ночь?..» И — конец.

И у меня случилось так. Подперло.
Она сильна как смерть. Но я сильнеей.
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней!

Но, полиставши Уголовный кодекс,
Собразил, что и любовь права.
И плюнул я тогда на этот комплекс.
И я свободен. И любовь жива.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

А потом — ногами и руками
оттолкнусь —
и в небо улечу!..

А я кусаю воздух вешний,
я в небо леау,
как в окно!..

Глеб Горбовский

Когда меня враги распяли,
от дикой зависти дрожа,
вы, паразиты,
крепко спали,
как спят
ночные сторожа.
А я висел,
кусаю воздух
и поминая божью мать...
Потом
бракованные гвозди
стал потихоньку вынимать.
Прыжок мой был весьма удачен,
я понял:
больше не хочу!
А ну вас всех к чертям собачьим!
Все надоело —
улечу!
Теперь
я высоко чертовски!
Глотаю воздух как насос.
...Зови меня Иисус Горбовский,
а если хочешь — Глеб Христос.

ГЛОТОК

(Белла Ахмадулина)

Проснуться утром, грешной и святой,
вникать в значение зябкою гортанью
того, что обретает очертанья
сифона с газированной водой.

Витал в несоразмерности мытарств
невнятный знак, что это все неправда,
что ночью в зоосаде два гепарда
дрались, как одеяло и матрац.

Литературовед по мне скулит,
шурша во тьме убожеством бумаги,
не устоять перед соблазном влаги
зрачком чернейшим скорбно мне велит.

Серебряный стучался молоток
по лбу того, кто обречен, как зебра
тщетою лба, несовершенством зева
не просто пить, но совершать глоток!

Престранный гость скребется у дверей,
блестя зрачком, светлей аквамарина.
О мой Булат! О Анна! О Марина!
О бедный Женя, Боря и Андрей!

Из полумрака выступил босой
мой страшный гость, чья нищая бездомность
чрезмерно отражала несъедобность
вчерашних бутербродов с колбасой.

Он вырос предо мной, как вырастают за
почь грибы в убогой подмосковной роще,
его ослепительно белое лицо опалило меня
смертным огнем, и я ожила. Он горестно
спросил: «Еще стаканчик?» Ошеломлен-
ная, плача от нежности к себе и от гордо-
сти за себя, я хотела упасть на колени, но
вместо этого запрокинула голову и отве-
тила надменно: «Благодарю вас, я уже...»

Спросила я: — Вы любите театр? —
Но сырый гость не возжелал блаженства,
в изгибах своего несовершенства
он мне сказал: — Накиньте смерть ондатр!

Вскричала я: — Вы, сударь, не Антей!
Поскольку пьете воду без сиропа,
не то что я. Я от углов сиротства
оберегаю острие локтей.

Высокопарности был чужд мой дух,
я потянулась к зябкости сифона,
а рядом с ним четыре граммофона
звучанием мой утруждали слух.

Вздых утоленья мне грозил бедой
за чернокнижья вдохновенный выпорх!
О чем писать теперь, когда он выпит,
сосудик с газированной водой?!..

КРИК РАКА

Я ли не мудр: знаю язык —
карк врана,
я ли не храбр: перебегу
ход рака...

Виктор Соснора

Я начинаю. Не чих (чу?):
чин чином.
То торс перса (Аттила, лей!)
грех Греки?
Не Гамаюна потомок юн:
крем в реку,
как Козлоногу в узде узд? —
злоб зуды.

Ироник муки, кумиров кум —
крик рака.
Не свист стыдобы, не трут утр,
карк крика.
Не кукареку в реке (кровь!),
корм Греке...
Неси к носу, а Вы — косою,
Вам — кваса.

Добряк в дерби — бродягам брод:
суть всеу,
и брадобрею гибрид бедр —
бром с бренди.

У Вас зразы (и я созрел!)
Псом в Сопот.
А языкается заплетык —
нак тадо.

К ПОРТРЕТУ Г.

(Татьяна Глушкова)

По мотивам книги стихов «Белая улица»

...Ты хочешь поэтессой стать? Так стань!
Куда как легче! Проще нет занятия,
ты изучи, что создали собратья,
усердно наклонив над книгой стан.

У одного возьми размер и ритм,
а у другой — стиха закаменелость,
у третьего возьми метафор смелость,
а у четвертой — необычность рифм.

Возьми лучину, канделябр, свечу,
добавь сердечных мук, усталость, горечь,
истории (одобрит Пал Григорьич!),
Пегаса, кваса, Спаса и парчу.

Смешай все это, не сочти за труд,
пиши смелей, учтя мои советы,
не так уж он и сложен, путь в поэты...
Сдавай в печать. Не бойся! Издадут!

ВЕДНЫЙ БЕЗЛОШАДНИК

Шли валуны
Под изволок...
Как петушиный хохолок,
Пырей от солнца красноватый
Качался в балке...
Пахло мятой...
Холмов
Косматая гряда
Тянулась к западу, туда,
Где пруд,
Задумчивый, печальный,
Лежал...

— Отсель, — сказал геодезист, —
Грозить мы будем бездорожью!

Лев Кондырев

На берегу пустынных волн
Стоял я,
Тоже чем-то полн...
И вдаль глядел.
Стояло лето.
Происходило что-то где-то.
Я в суть вникать не успевал,
Поскольку мыслил. Не зевал,
Как Петр Первый. Отовсюду
Шли валуны.
Качалась ель.
И мне подумалось: я буду
Грозить издателям отсель!
Закончил мыслить.

Прочь усталость!
Сел на валун.
Мне так писалось,
Как никогда! Смешать скорей
Курей, пырей и сельдерей.
Все, что мелькает, проплывает,
Сидит, лежит и навевает
Реминисценции. Увы,
Не избежать, как видно, снова
Ни в критике разгона злого,
Ни унижительной молвы.
Меня ли
Тем они обидят?!
Да я чихал! Пускай увидят,
Как, глядя в синюю волну,
Я сочинил
Пять тысяч строк!

Таких пять тысяч
За одну
Я променял бы.
Если б мог...

ХЛОПЦЫ И ШЕКСПИРЫ

Не падо, хлопцы, ждаць шекспиров,
Шекспіры большэ не прйдут.
Беріце ціркулі, секіры,
Чыніце перыя — і за труд.

...Про Дездемону и Отелло
С фўфайкой ватной на плече.

Михаил Годенко

Не надо, хлопцы, нам шекспиров,
Они мой вызывают гнев.
Не надо гениев, кумиров,
Ни просто «гениев», ни «евг».

Неужто не найдем поэта,
Не воспитаем молодца,
Чтоб сочинил он про Гамлета
И тень евоного отца!

Да мы, уж коль такое дело,
Не хуже тех, что в старину...
И мы напишем, как Отелло
Зазря прихлопнуло жену.

Все эти творческие муки
В двадцатом веке не с руки.
Все пишут нынче! Ноги в руки,
Точи секиру и секи!

Вот так навалимся всем миром,
Нам одиночки не нужны!
И станем все одним шекспиром,
Не зря у нас все равны!

**По
первому
следу**

ПОСЛЕ СЛАДКОГО СНА

Непрерывно,
С детства,
Изначально
Душу непутевую мою
Я с утра кладу на наковальню,
Молотом ожесточенно бью.

Анисим Кронгауз

Многие
(Писать о том противно;
Знаю я немало слабых душ!)
День свой начинают примитивно —
Чистят зубы,
Принимают душ.

Я же, встав с постели,
Изначально
Сам с собою начинаю бой.
Голову кладу на наковальню,
Молот поднимаю над собой.

Опускаю...
Так проходят годы.
Результаты, в общем, неплохи:
Промахнусь — берусь за переводы,
Попаду —
Сажусь писать стихи...

ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Я Микеланджело, быть может,
Родившийся опять на свет.
Я, может быть, Джордано Бруно
Или Радищев новых лет.

Дмитрий Смирнов

Все может быть.
Да, быть все может.
Поставят столб. Вокруг столба,
Который хворостом обложат,
Сбежится зрителей толпа.

Произнесет сурово слово
Литературоведов суд.
Поэта Дмитрия Смирнова
Из каземата принесут.

И к делу подошьют бумажки
И, давши рвению простор,
Литфонд торжественно бедняжке
Вручит путевку на костер.

Сгорит Смирнов...
Великий боже,
Ты воплям грешника не вял...
За что его? А все за то же:
За то, что ересь сочинял.

САМ СЕБЕ ЗВЕЗДА

И снова на дорогу
Один я выхожу.

Какая это мука,
Когда рука молчит,
Когда звезда ни звука
Звезде не говорит.

Егор Самченко

Я вышел на дорогу
Один, без дураков.
Пустыня внемлет богу,
Но я-то не таков!

Лежит на сердце камень,
А звезды ни гугу...
Но уж зато руками
Я говорить могу!

У классиков житуха
Была... А что у нас?
Заместо глаза ухо,
Заместо уха глаз...

Мне, правда, намекали,
Мол, не пиши ногой,
Не говори руками,
А думай — головой!

УХОД ФОНЯКОВА ИЗ ДОМА РАНО УТРОМ
ПО СВОИМ ДЕЛАМ

Парк пел и плакал на ветру
До полшестого.
Хватились в доме поутру:
Нет Льва Толстого.

Куда ж девался Лев Толстой?
Ведь не иголка...

Ведь как-никак — «Война и мир»
И «Воскресенье»...

Илья Фояков

Парк пел и плакал на ветру,
Выл бестолково.
Хватились в доме поутру:
Нет Фоякова!

В саду следы от башмаков...
Стол, кресло, полка.
Куда ж девался Фояков?
Ведь не иголка.

Вон приготовлена еда
И стынет кофе.
Неужто сгинул навсегда,
Как на Голгофе?!

Все в панике, кричат: «Эге!»
Ворон пугают.
Ведь как-никак спецкор «ЛГ»,
Стихи слагает!

Неужто вышел просто так
И не вернется?
Ведь он писатель как-никак,
Он издается!

Ушел, быть может, как Толстой,
Судьбу почуяв?
Ведь как-никак не Островой,
Не Феликс Чуев!

И только дворник дед Егор
Стоит, смеется:
— Да просто вышел он во двор,
Сейчас вернется...

НА ПУТИ К СЕБЕ

Говорят, что плохая примета
Самого себя видеть во сне.
Прошлой ночью за час до рассвета
На дороге я встретился мне.

Вадим Шефнер

Безусловно не веря приметам,
Чертовщиной мозги не губя,
Тем не менее перед рассветом
На дороге я встретил себя.

Удивился, конечно, но все же
Удивления не показал.
Я представился: «Шефнер». Я тоже
Поклонился и «Шефнер» сказал.

Мы друг другу понравились сразу.
Элегантны и тот и другой.
Я промолвил какую-то фразу,
Я ответил и шаркнул ногой.

Много в жизни мы оба видали,
Но свидание пользу сулит.
Я себе рассказал о Дедале,
Я поведал себе о Лилит.

Я и я очарованы были,
Расставались уже как друзья.
Долго шляпы по воздуху плыли,
Долго я улыбался и я.

К чудесам мы приучены веком,
Но такое — непросто суметь!
С умным, знаете ли, человеком
Удовольствие дело иметь!

КРЕМЕНЬ С ГАКОМ

(Егор Исаев)

По мотивам поэмы «Даль памяти»

А день-то бы-ы-л!
Не день,
А праздник вечный,
Коси, коса!
А что ж, оно ведь так!
А что коса?
Коса, она, конечно,
На то она — коса и есть.
Не гак.
А гак-то как? И то сказать,
Со вкусом!
А смак — он что?
Да просто — смак и смак.
Не упредишь,
Ведь он-то — гак за гаком! —
Изглубока, горстьми,
На то и гак!
А ежли конь?

Он что? Да тут и вовсе,
Навроде да. Не конь, а помело.
Куда за ним? Да некуда...
А возит!
Оно ведь так. Куда ж его?..
Тягло
Из тех времеч... А без тягла?

Не в паре ж
Тащиться с ним! А душу — распотешь!
И — градус внутрь! Нутро —
Его ожваришь —
И с перецоком — в тень!
А как-то где ж?
Забыли, что ль?

Куда там!
Не иголка,
Степану что? И Нюрка — нипочем.
Не охмуришь! Оно ведь не без толку,
Не в баню!
Не заманишь калачом.
Поехали!
Да те ль они, ворота?
А ну-ка, тпру!
Ищи их, тормоза...
И — вот оно! С налета, с поворота —
Кувырк! —
Разрыв-трава, кремьнь-слеза.

ГОЛОС ИЗ ВИГВАМА

У Больших озер когда-то
жил индеец Нанабозо,
был он сильным, мудрым,
смелым —
настоящим храбрецом.
Научил людей он делать
стрелы, лодки из бересты,
разводить огонь и сеять
кукурузу на полях...

*Владимир Торопыгин.
«Индеец Нанабозо»*

В современном Ленинграде
есть Владимир Торопыгин,
обаятельный мужчина
и талантливый поэт.
Правда, он не только пишет,
он, бывает, и читает,
как-то «Песнь о Гайавате»
прочитал случайно он.

Сочинение Лонгфелло
перевел прекрасно Бунин,
хмурый, замкнутый мужчина,
но талантливый поэт.
Призадумался Владимир
по прозванию Торопыгин
и сказал жене он: «Сквау¹,
вот как надобно писать!»

---

¹ Сквау — женщина (индейск.).

Не в стране Оджибуэев —
в несравненном Комарове
в окруженье бледнолицых
за работу он засел.
Сидя в творческом вигваме,
сочинил про Нанабозо,
посвятить забыв Лонгфелло
эти чудные стихи.

АРХИВНАЯ БЫЛЬ

Терпенья и мужества впрок накопив
и перед судьбою смиренья,
спускайся, верней, поднимайся в архив,
спроси номерное хранение...

Владимир Рецептер. «Архив»

Терпенья и мужества впрок накопив,
душою возвышен и тонок,
как ныне собирается прямо в архив
наш интеллигентный потомок.

Хватило бы только старанья и сил
в бесценные вникнуть страницы...
И вдруг, замирая, потомок спросил:
— А где тут Рецептер хранится?

Хранитель архива, бессмертных кумир,
сказал ему: — Сам удивляюсь!
Здесь Пушкин, там Хаустов, ниже —
Шекспир,
Рецептера нет, извиняюсь!

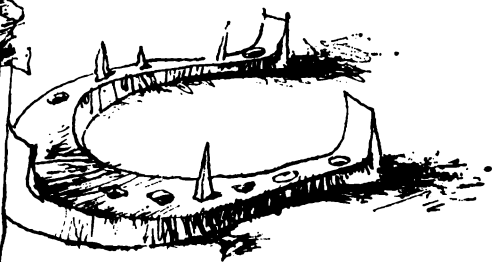
— Да как же! — воскликнул потомок, дрожа
и мысленно с жизнью прощаясь.—
Ты режешь, папаша, меня без ножа,
ведь я ж по нему защищаюсь!

Он столько гипотез и столько идей,
как помнится, выдвинул славных,
~~что должен среди знаменитых людей~~
~~в архиве пылиться на равных!~~

*мне даже неважно, кто он - музей,
он стоит троих православных!*

Ответил хранитель, взглянув из-под век,
спокойным пытаюсь казаться:

— Не лучше ли вам, молодой человек,
за первоисточники взяться...

ЭКСПЕРИМЕНТ

Распад во много тысяч лет
Эквивалентен дням разлада,
Ведь человек не элемент,
Недели хватит для распада.

Виктор Парфентьев

Со вторника эксперимент
Как начался, так не кончался...
И так как я не элемент,
То к понедельнику распался.

Глядела горестно жена
Глазами обреченной птицы,
Как быстро муж распался на
Элементарные частицы.

Непрочен наш материал,
Точней, он вовсе пустяковый...
И по частицам собирал
Меня инспектор участковый.

Не зря один интеллигент
Сказал, сомнения развеяв:
— Сдается, это элемент,
Не знал о коем Менделеев...

РАСПЛАТА

Быть может, я, сегодняшний, не прав,
И женщина совсем не виновата.
Быть может, па меня, за грубый нрав,
Как самосвал, наехала расплата?

Владимир Сергеев

Быть может, я опасность прозевал,
А может быть, дорога виновата,
Но на меня наехал самосвал,
И я подумал: вот она, расплата!

За то, что был я с женщинами крут,
За грубый нрав — солдат ведь, не овечка.
В стихи мои доныне так и прут
Соленые солдатские словечки...

И я сказал, отряхивая пыль
И глядя на обломки самосвала:
— Вы верьте мне.

Так было.

Это — был.

Хоть не могло так быть

и не бывало...

ПЛОДЫ ВДОХНОВЕНИЯ

С лозы моей две виноградины
Твоими глазами украдены.
Два персика. Яблока два.

Вчера увела ты ручьи.
Теперь они — косы твои.

Раим Фархади

Ты месяц ко мне приходила.
Весь месяц по саду ходила.
Теперь я по саду брожу.
Тебя вспоминая, дрожу.
Две дыни. Четыре арбуза.
(Еще называется — Муза!)
Урюка шестнадцать мешков.
С айвой шестьдесят пирожков.
Не зря ты ходила по саду...
Двенадцать кг винограду.
И персиков восемь кг.
Да центнер кизила. Эге!
Приехала ты на Пегасе.
Он крыльями хлопал и пасся...
Расходов моих на фураж
Уже не окупит тираж.
Каким жестоким пытки —
Подсчитывать скорбно убытки!
Как после набега хазар
Мне не с чем спешить на базар.

Однако и дал же я маху!
Не бросить ли рифмы к аллаху...
Спокойно дехканином жить —
Дешевле, чем с Музой дружить...

КОЕ-ЧТО О ПОТОЛКЕ

Выпью вечером чаю,
в потолок посвящу.
Ни о ком не скучаю,
ни о чем не грущу.

Вадим Кузнецов

Я живу не скучаю,
сяду в свой уголок,
выпью вечером чаю
и плюю в потолок.

От волнений не ежусь,
мне они нипочем.
Ни о чем не тревожусь
и пишу ни о чем...

Выражаю отменно
самобытность свою.
Посижу вдохновенно
и опять поплюю.

Наблюдать интересно,
как ложатся плевки...
Да и мыслям не тесно,
да и строчки легки.

Чтим занятия те мы,
что пришлись по нутру.
Есть и выгода: темы
с потолка я беру.

И плевать продолжаю
смачно,
наискосок.
Потолок уважаю!
К счастью, мой — певысок...

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Мой первый ненаглядный человек
Был молод, и умен, и человечен...

А мой второй мужчина был красив.
И были годы, полные тревоги...

А третий мой мужчина — был ли он?
И кто он был? Да разве в этом дело!

Пина Королева

Я первого забыла. И второй
Из памяти ушел как в лес охотник...
А первый, между прочим, был герой.
Второй был мореплаватель. Нет, плотник!

Мой третий был красив. Четвертый — лыс,
Но так умен, что мне с ним было тяжело.
Мой пятый строен был как кипарис,
И жалко, что загнулся он, бедняжка...

Шестой, седьмой, восьмой... Да что же я?
Что обо мне подумают отныне?
Ведь это все не я, а лишь моя
Лирическая слишком героиня!

Что делать мне? И что мне делать с ней?
Пора бы ей уже остановиться...

Мне кажется, необходимо ей
Немедленно в кого-нибудь влюбиться!

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ

Меня не так пугают психи —
Они отходчивы,
Смелы.
Боюсь восторженных и тихих:
Одни глупы,
Другие злы.

Евгений Антошкин

Не всем дано понять, возможно,
Полет
Возвышенных идей.
И мне тоскливо и тревожно
Среди
Вменяемых людей.

Совсем другое дело — психи!
Порой буйны,
Порой тихи.
С каким они восторгом тихим
Бормочут вслух
Мои стихи!

Их жизнь близка мне и знакома,
Я среди них
Во всей красе!
Я им кричу: — У вас все дома? —
Они в ответ кричат:
— Не все!

Да разве выразить словами
То, как я
Удовлетворен.
Ведь я и сам — но между нами! —
С недавних пор
Наполеон!

ПЛОДЫ БЛАГОДУШИЯ

До чего ж я благодушен!
Всех люблю,
и все правы...
Так бы сам себя и скушал,
Начиная с головы.

Олег Таругин

Жизни уровень возросший
И меня не обошел.
До чего ж я стал хороший!
Всех на свете обошел!

У меня есть друг-читатель,
до чего ж
и он мне мил!
Я сказал ему: «Приятель,
слушай, что я сочинил!»

Но меня он не дослушал
и сказал: «Да ты, увы,
сам себя
уже покушал,
начиная с головы...»

ПРОПАВШИЙ ДЕНЬ

Тиха вечерняя равнина,
Звезда вспорхнула надо мной.
Весь день душа была ранима
Красивой женщиной одной.

Александр Шевелев

Я пробудился в девять двадцать,
сказав себе: «Пора вставать!»
Поел и вышел прогуляться
примерно в десять сорок пять.

Пешком по Невскому я влекся,
порхало солнце надо мной.
В двенадцать десять я увлекся
красивой женщиной одной.

Пошел за нею. Вдохновење
снедало грудь. Глаза зажглись.
И — о волшебное мгновење! —
в семнадцать тридцать мы сошлись

у гастронома. Так ранима
была душа на склоне дня!..
Она прошла с улыбкой мимо
и не заметила меня.

Пришел домой я, дверью хлопнул
и понял, севши на диван,
что я, дурак, весь день ухлопал
на изурительный роман.

БЕСОВСКИЕ ШТУЧКИ

На лугу, где стынут ветлы,
где пасутся кобылицы,
обо мне почные ведьмы
сочиняют небылицы.

Юрий Панкратов

Нечестивы и рогаты,
непричесаны и сивы,
прибывали делегаты
на конгресс нечистой силы.

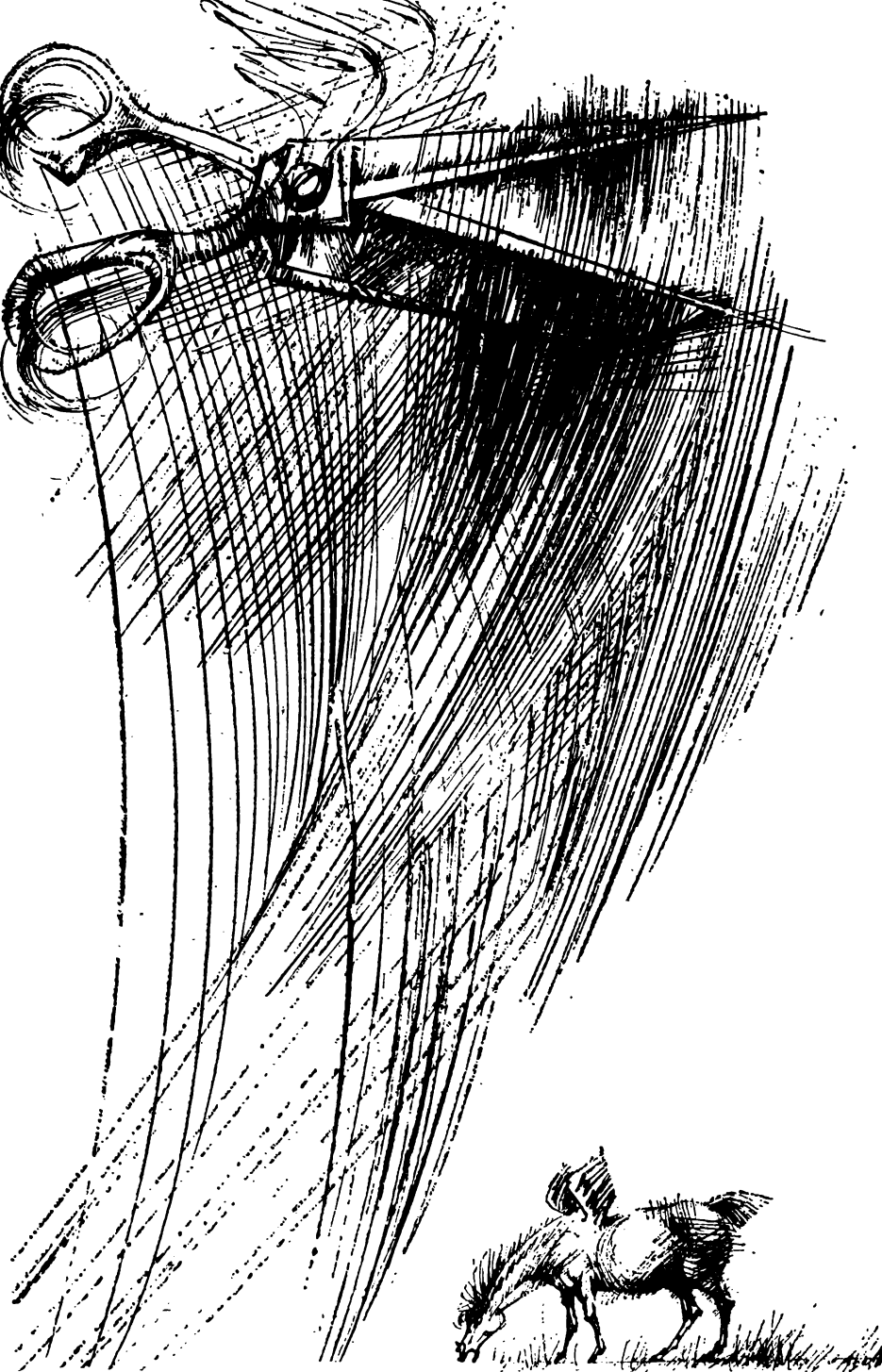
Собрались в кружок у дуба
и мигали виновато,
все пытали друг у друга:
— Братцы, кто такой Панкратов?!

Ведьм немедля допросили:
— Что за шутки, в самом деле? —
Но они заголосили:
— Ночью мы не разглядели!..

Домовой пожал плечами,
в стенограмме бес напутал.
Водяной сказал, скучая:
— Может, кто его попутал?..

Делегаты повздыхали, —
тут сам черт сломает ногу!
И хвостами помахали,
и послать решили... к богу!

...Обижаться я не вправе,
но придется потрудиться,
о своей чертовской славе
сочиня небывлицы.

ВОСТОЧНОЕ ПРИСТРАСТЬЕ

...Под солнцем — горы в белой дымке,
Под снегом — теплая земля,
И липы на Большой Ордынке,
И в Ереване — тополя...

Елена Николаевская

...Нет, что ни говори, недаром,
Дыханья не перевода,
Сижу, с волнением и жаром
Стихи друзей перевода.

Как свет, как ощущение счастья,
Вошло, как видно, в плоть мою
Вполне восточное пристрастье:
Все что увижу — то пою...

Живут в Армении армяне,
Грузины в Грузии живут.
В Москве в «Ромэн» живут цыгане,
Они танцуют и поют.

У молодых соседей — Надька,
Дочурка, ростом не видна.
И в Киеве, конечно, дядька,
А в огороде — бузина.

Один мой друг, явив отвагу,
Сказал мне, осушив стакан:
— Переводи, но не бумагу,
Прошу тебя, Елена-джан! ¹

---

¹ Д ж а н — дорогая (арм.).

СКОЛЬКО БУДЕТ ДВАЖДЫ ДВА

Я немало дорог истоптал в этом мире,
И на собственной шкуре я понял зато:
Дважды два — не всегда в нашей жизни четыре,
А порою — и пять.

А бывает — и сто.

Лев Куклин

Я когда-то мечтал
инженером стать горным,
В этом деле хотел получить я права.
Но везде мне вопрос задавали упорно:
— Сколько будет, товарищ Куклин,
дважды два?

— Пять! — всегда отвечал я упрямо и гордо,
В эту цифру вложив темперамент и злость.
Инженером, увы, а тем более горным,
К сожалению,
так мне и не довелось...

Я хотел быть актером, врачом и матросом,
Стать ботаником чуть не решил я едва.
И повсюду меня изводили вопросом:
— Сколько будет, товарищ Куклин,
дважды два?
Улыбались, не то еще, дескать,
мы спросим...

Стал везде отвечать я по-разному всем:
«Шесть», «одиннадцать», «тридцать один»,
«сорок восемь»,

Как-то сам удивился, ответив: «Сто семь!»
Кто, не помню,

помог мне однажды советом,
Поклониться советчику рад и сейчас:
— Ваш единственный путь — становиться
поэтом,

Ибо уровень знаний подходит как раз...

И с тех пор я поэт. Сочиняю прилично.

Издаюсь, исполняюсь,

хоть в мэтры бери...

Я, конечно, шутил, ибо знаю отлично:

Дважды два — как известно и школьнику — три!

ТАЙНА ЖИЗНИ

Я часто замираю перед тайной.
Ей имя — жизнь.

В разрядах молний, в грохоте грозовом,
В рассоле огнедышащей планеты
Родился крохотный комочек жизни —
Икринка, сгусток...

Василий Загарченко

Я часто замираю перед тайной,
Я бы назвал ее — преображенье.
Загадочнее тайны нет нигде.

...Немыслимо бывает пробужденье:
Глаза разлепишь — что за наважденье? —
Лежать лежишь, но неизвестно где...
А в голове — все бури мирозданья,
Да что там бури — просто катаклизмы,
Как написал бы Лавренев — разлом!
Глаза на лбу, в них молнии сверкают,
Язык шершавый, в членах колотун,
Ни встать, ни сесть,
Во рту бог знает что,
Не то Ваала пасть, не то клоака,
Выпрыгивает сердце из груди,
И что вчера случилось — помнишь смутно...
И тут, я вам скажу, одно спасенье,
Верней сказать, единственное средство.
Берешь его дрожащими руками
В каком-нибудь вместительном сосуде,
Подносишь к огнедышащему рту!..

Струтся он, прохладный, мутноватый,
Грозиво жгучий, острый, животворный!..
Захлебываясь, ты его отведал,
И к жизни возвратился, и расцвел!
Есть в жизни тайна!
Имя ей — рассол.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Мне снилось: я — Анна Мапьяни
Не в этом, а в давнем году.

А мы втроем сидели на крыльце,
Жевали хлеб и огурцом хрустели.

Надежда Полякова

Я мыла пол, набрав ведро воды.
Здрав подол, махала тряпкой хмуρο.
Но кто-то вдруг меня окликнул: — Нюра!
Маньяни! Кинь ведро да подь сюды!

Жужжали мерзко мухи над крыльцом,
Ступеньки полусгнившие стонали.
В сенях, разумши, Клава Кардинале
Хрустела малосольным огурцом.

Пивной функционировал ларек,
По радио стонал какой-то тенор,
И встряла в разговор Лизуха Тейлор:
— Не скинуться ли нам на пузырек?

Сообразили. Сбегали. Вина
С устатку выпить, видит бог, неплохо.
А Сонька-то Лорен — ну не дуреха! —
Кричит: — Я не могу без стакана!

Светило солнце. Колосилась рожь.
А мы сидели... Вдруг в разгаре пира

Свет застила фигура бригадира,
Который был на Бельмондо похож.

— Мы звезды! — завопили мы.— Игде
Тебя носило?.. Подгребай скорее!..—
Он молча к каждой подошел, зверя,
И, развернувшись, врезал по звезде.

НА ЗАДВОРКАХ

Выйдешь на задворки
и стоишь как пень:
до чего же зоркий,
лупоглазый день!

А потянешь носом —
ух ты, гой еси!..

Евгений Елисеев

Кто-то любит горки,
кто-то — в поле спать.
Я люблю задворки —
чисто благодать!

Дрема дух треножит
цельный божий день.
Всяк стоит как может,
я стою как пень.

Думать — энтэ точно —
лучше стоя пнем
вислоухой ночью,
лупоглазым днем.

Бьешься над вопросом,
ажно вымок весь.
А потянешь носом —
хоть топор повесь.

Хорошо, укротно,
как иначе быть...

Тут мысль истомна —
инда да кубыть.

Если ж мыслей нету,
господи спаси,
выручить поэта
может «гой еси»!

СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

Весна, весна,— хоть горло перережь,
Весна —
Хоть полосни себя по венам.
И жизнь была — заполненная брешь,
Любовь была — случайна и мгновенна.

Лада Одинцова

Себя я странно чувствую весной:
Весна —
А я ищу глазами ветку.
Веревку взять бы, в петлю — головой
И — ножками отбросить табуретку...

Без этих грез я не живу и дня,
Приходит лето, соловьям не спится.
Кто в отпуск, кто на дачу,
А меня
Преследует желанье утопиться.

Про осень я уже не говорю.
До одури, до головокруженья
Я вся в огне,
Я мысленно горю,
Испытывая зуд самосожженья!

Мне хочется зимою в ванну лечь,
Не совладав с мгновенною любовью,
Вскрыв бритвой вены,
Медленно истечь
Горячей поэтической кровью...

Вы не волнуйтесь!
Это я шучу,
Не забывая дать себе отсрочки.
О смерти бойко в рифму щебечу,
Слова изящно складывая в строчки...

ДА-С!

Жаль, русская речь оскудела.
За что? За какие грехи?

Поэты мудрят и морочатся,
Как режиссеры в кино...
А мне, право, к Пушкину хочется...

Сергей Баруздин

Пришел я к товарищу Пушкину,
В сюртук ему плакаться стал:
— Не откажите путнику,
Издергался я, устал.

Поэты мудрят и морочатся,
Как режиссеры в кино...
Мне к вам, извините, хочется
Мучительно и давно.

Ответил мне Пушкин,
и в тоне

Отсутствовала теплота:
— Мне нравятся Антониони,
Тарковский, Хуциев, Митта.

И Бергман, и Вознесенский,
И Крамер по сердцу мне.
Мне люб сей поиск вселенский
У времени на волне.

Умолк Александр Сергеевич
И тихо добавил:

— Да-с!

Ступайте, Сергей Алексеевич,
Мне некогда, бог подаст...

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ

Ты скажешь мне: «Упылая пора»,
Ты скажешь мне: «Очей очарованье».

Александр Ревич

Скажу тебе: «Унылая пора».
Ты скажешь мне: «Очей очарованье».
Красиво сказано! Что значит дарованье
И резвость шаловливого пера!

Продолжу я: «Приятна мне твоя...»
«Прощальная краса», — ты мне ответишь.
Подумать только! Да ведь строки эти ж
Стихами могут стать, считаю я.

«Люблю я пышное...» — продолжу мысль свою.
Добавишь ты: «Природы увяданье».
Какая музыка! И словосочетанье!
Я просто сам себя не узнаю...

«В багрец и в золото!» — вскричу тебе вслед.
«Одетые леса», — закончишь ты печально...
Наш разговор подслушан был случайно,
И стало ясно всем, что я — поэт.

ПРИЗЫВ

Ты кроши,
                    кроши,
                                    кроши
Хлебушек на снег,
Потому что воробей
Ест, как человек.

Григорий Корин

Ты пиши,
                    пиши,
                                    пиши,
Сочиняй весь век,
Потому что пародист —
Тоже человек.

Он не хочет затянуть
Туже поясок,
Для него
                    твои стихи —
Хлебушка кусок.

Ты пиши
                    и мой призыв
Не сочти за лесть,
Потому что пародист
Тоже
                    хочет
                                    есть!

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Весь в голубом (<i>Константин Ваншенкин</i>)	9
Мой пес и я (<i>Владимир Костров</i>)	10
День в Гиперборее (<i>Юнна Мориц</i>)	12
Покамест я... (<i>Станислав Куняев</i>)	14
О пользе страданий (<i>Михаил Дудин</i>)	15
Мини-Пушкин (<i>Евгений Евтушенко</i>)	17
Делай как я (<i>Александр Кушнер</i>)	19
Маясь животом (<i>Лев Ошанин</i>)	21
Путь к мудрости (<i>Алексей Марков</i>)	23
Не до Европ (<i>Ольга Фокина</i>)	25
Он может, но... (<i>Николай Доризо</i>)	26
Разговор (<i>Римма Казакова</i>)	28
Дерзновенность (<i>Екатерина Шевелева</i>)	29
Для тех, кто спит (<i>Яков Белинский</i>)	31
Воздаяние (<i>Василий Федоров</i>)	32
Девушка и женщины (<i>Валентин Сорокин</i>)	34
Ужин в колхозе (<i>Давид Самойлов</i>)	36
Я и Соня, или более чем всерьез (<i>Роберт Рождественский</i>)	38
Али я не я (<i>Борис Примеров</i>)	40
Поездка (<i>Михаил Пляцковский</i>)	42
О пользе скандалов (<i>Евгений Долматовский</i>)	44
Пепелопа (<i>Андрей Дементьев</i>)	45
Та и эта (<i>Марк Лисянский</i>)	46
Стоеросовый дубок (<i>Владимир Гордейчев</i>)	48
Обзор (<i>Евгений Винокуров</i>)	49
Посвящение Ларисе Васильевой	50
Душа в теле (<i>Эдуард Асадов</i>)	52
Бес соблазна (<i>Евгений Храмов</i>)	54
Компромисс (<i>Владимир Солоухин</i>)	55
Божественная комедия (<i>Глеб Горбовский</i>)	56
Глоток (<i>Белла Ахмадулина</i>)	57
Крик рака (<i>Виктор Соснора</i>)	59

К портрету Г. (<i>Тагьяна Глушкова</i>)	61
Бедный безлошадник (<i>Лев Кондырев</i>)	62
Хлопцы и пекспры (<i>Михаил Годенко</i>)	64

ПО ПЕРВОМУ СЛЕДУ

После сладкого сна (<i>Анисим Кронгауз</i>)	67
Все может быть (<i>Дмитрий Смирнов</i>)	68
Сам себе звезда (<i>Егор Самченко</i>)	69
Уход Фоянкова из дома рано утром по своим делам (<i>Илья Фоянков</i>)	70
На пути к себе (<i>Вадим Шефнер</i>)	72
Кремень с гаком (<i>Егор Исаев</i>)	74
Голос из вигвама (<i>Владимир Торопыгин</i>)	76
Архивная быль (<i>Владимир Рецетгер</i>)	78
Эксперимент (<i>Виктор Парфентьев</i>)	81
Расплата (<i>Владимир Сергеев</i>)	82
Плоды вдохновения (<i>Раим Фархади</i>)	83
Кое-что о потолке (<i>Вадим Кузнецов</i>)	85
Что делать? (<i>Нина Королева</i>)	87
С кем поведешься (<i>Евгений Антошкин</i>)	88
Плоды благодушия (<i>Олег Таругин</i>)	90
Пропавший день (<i>Александр Шевелев</i>)	91
Бесовские штучки (<i>Юрий Панкратов</i>)	92
Восточное пристрастье (<i>Елена Николаевская</i>)	95
Сколько будет дважды два (<i>Лев Кузлин</i>)	96
Тайна жизни (<i>Василий Зазарченко</i>)	98
Звездный час (<i>Надежда Полякова</i>)	100
На задворках (<i>Евгений Елисеев</i>)	103
Смертельный номер (<i>Лада Одинцова</i>)	105
Да-с! (<i>Сергей Баруздин</i>)	107
Продолжатель (<i>Александр Ревич</i>)	108
Призыв (<i>Григорий Корин</i>)	109

Александр Александрович Иванов

ПЕГАС — НЕ РОСКОШЬ

М., «Советский писатель», 1979, 112 стр.
План выпуска 1979 г. № 154

Редактор *В. С. Фогельсон*
Худож. редактор *В. В. Медведев*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *Т. Н. Гуллева*

ИБ № 1732

Сдано в набор 08.05.79. Подписано к печати 20.09.79. А 14245. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетн. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,88. Уч.-изд. л. 3,13. Тираж 20 000 экз. Заказ № 415. Цена 45 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109,

45к.

